

Ставропольский краевой суд
через Кисловодский городской суд Ставропольского края
адрес: пр. Ленина, 22, Кисловодск, Ставропольский край,
357700

От адвоката адвокатского бюро «Kaloy.ru»
Ахильгова Калоя Салимовича
регистрационный номер 77/10649

В интересах
Барахоева Ахмета Османовича,
Чемурзиева Бараха Ахметовича

Дело № 1–35/2021

Дополнительные пояснения к апелляционной жалобе

на приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края
от 15.12.2021 по делу №1–35/2021

В обоснование ранее приведенных в апелляционных жалобах доводов защита просит учесть следующие пояснения.

Приговором Кисловодского городского суда Ставропольского края от 15.12.2021 по делу № 1-35/2021 (далее по тексту – приговор) осуждены:

- Барахоев А.О. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 1 ст. 282.1, ч. 3 ст. 239, ст. 330.2 УК РФ, на основании ч.ч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ к окончательному наказанию в виде лишения свободы на 9 лет, с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, запретом заниматься деятельностью, связанной с руководством и участием в работе общественных организаций сроком на 5 лет, с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима;
- Чемурзиев Б.А. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, на основании ч.ч. 3, 4 ст. 69 УК РФ к окончательному наказанию в виде лишения свободы сроком на 8 лет, с ограничением свободы сроком на шесть месяцев, с запретом заниматься деятельностью, связанной с руководством и участием в работе общественных организаций сроком на 3 года, с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима;
- Саутиева З.М. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, на основании ч.ч. 3, 4 ст. 69 УК РФ к окончательному наказанию в виде лишения свободы сроком на 7 лет 6 месяцев, с ограничением свободы сроком на шесть месяцев, с запретом заниматься деятельностью, связанной с руководством и участием в работе общественных организаций сроком на 3 года, с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Тем же приговором осуждены Ужахов М.М. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 1 ст. 282.1, ч. 2 ст. 239 УК РФ, Масальгов М.А. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, Хаутиев Б.А. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, Нальгиев И.М. по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ. Барахоев А.О., Ужахов М.М., Чемурзиев Б.А., Мальсагов М.А., Хаутиев Б.А., Нальгиев И.М., Саутиева З.М. признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч.3. ст. 33 ч.2. ст. 318, ст. 330.2, ч.2. ст. 239, ч.3 ст. 239, ч.1. ст. 281.1. ч.2 ст. 282.1. УК РФ.

С состоявшимся приговором защита категорически не согласна, считает его подлежащим отмене в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции; допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, неправильным применением уголовного закона, повлиявшими на исход дела, несправедливостью приговора.

Норма права	Нарушение УПК в приговоре
Приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. (ст. 297 УПК РФ)	Эти положения проигнорированы судом первой инстанции при вынесении оспариваемого решения.
Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, кроме описания преступного деяния, признанного судом доказанным, должна содержать обоснование принятых судом решений по всем вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ, в том числе и по вопросам квалификации действий подсудимого. (ст. 307 УПК РФ)	Суд пренебрегает критериями для описательно-мотивировочной части приговора, определёнными УПК РФ как обязательными.
Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. (ст.ст. 14, 302 УПК РФ)	По делу должны быть исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены непосредственно в приговоре.

Указанные требования уголовно-процессуального закона по уголовному делу не выполнены. Суд первой инстанции надлежащим образом не выяснил и не оценил:

- имеющиеся противоречия, касающиеся обстоятельств инкриминируемых преступлений;
- не исследовал все возникшие версии произошедшего;
- положил в основу своих выводов предположения и принял решение о виновности подсудимых в отсутствие достаточной для этого совокупности доказательств, что подтверждается следующим.

ДОВОД № 1

Неправильное применение норм материального и процессуального права при квалификации по ст. 282.1 УК РФ

При квалификации суд допустил значительное количество нарушений, о наличии которых указывала сторона защиты в течение всего периода рассмотрения дела.

ДОВОД № 1.1. Отсутствие подготавливаемых или совершенных преступлений как признака экстремистского сообщества

Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 282.1 УК РФ наступает лишь в случае доказанности создания экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц, объединившихся для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководства таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями. Под преступлениями экстремистской направленности по смыслу уголовного закона понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

(примечание 2 к статье 282.1, п. «е» части 1 ст. 63 УК РФ)

Позиция Верховного Суда РФ:

экстремистское сообщество – это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующаяся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений (пункты 12-13).¹

Состав данного преступления предполагает:

- установление единого умысла организаторов, руководителей и участников сообщества, при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему;
- направленность данного умысла на подготовку либо совершение только преступлений;
- мотив подготавливаемых или совершаемых преступлений должен предполагать политическую ненависть или вражду.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»

На наличие цели подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности может указывать осуществление умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения.

(п. 14 Постановления Пленума ВС РФ № 11)

Только в своей совокупности все приведенные признаки в соответствии с положениями статьи 8 УК РФ могут выступать основанием уголовной ответственности.

Из оспариваемого приговора следует:

Суд указывает Экстремистское сообщество было создано не позднее мая 2018 года лицами, объединенными между собой политической враждой к действующему на тот период Главе Республики Ингушетия Евкурову ЮБ.Б., **с целью его смещения с занимаемой должности.**¹

Сообщество было создано для совершения преступлений экстремистской направленности, а именно преступлений, направленных на применение насилия к представителям власти, совершенных по мотивам политической вражды.²

Доказательства и фактические обстоятельства указывают на следующее

Цель в приговоре не сопряжена с каким-либо преступлением (в том числе, с учетом обстоятельств установленного судом преступного деяния).

Никаких доказательств создания сообщества экстремистской направленности для совершения преступлений по мотивам политической вражды в описательно-мотивировочной части приговора не приведено.

Из приговора не следует, что осужденные осуществляли приготовление или совершение таких преступлений.

Судом неоднократно упоминается, что создавались условия для совершения одного (а не нескольких) преступления.³

Таким образом Суд не указывает, какие условия образуют объективную сторону преступления, что свидетельствует о предположительности приведенных выводов и игнорировании ч. 1 ст. 30 УК РФ, а также не приводит доказательств создания экстремистского сообщества в описательно-мотивировочной части приговора.

¹ Листы 5-6, 325 приговора

² Лист 6 приговора

³ Листы 6-7 приговора

В приговоре не установлены критерии формы вины, с которыми диспозиция ст. 282.1 УК РФ связывает наступление уголовной ответственности и не подтверждены достаточной совокупностью относимых, допустимых и достоверных доказательств, о чем свидетельствует описательно-мотивировочная часть оспариваемого приговора.

Форма вины - прямой умысел (единый для всех участников)

* намерение осуществить подготовку или совершение одного, или нескольких преступлений экстремистской направленности.

Как видно из материалов уголовного дела: общение между собой осужденных, хотя и разделяющих критику органов государственной власти и должностных лиц региона в связи с принимаемыми ими решениями, признаками экстремистского сообщества не обладало.

Противоречия в приговоре относительно количества преступных действий, к которым готовились осужденные (множественность (листы 6, 7 приговора) и единичность (лист 7 приговора)), не позволяло эффективно защищаться от предъявленного обвинения.

При описании преступления суд раскрывает сведения об административном правонарушении и действиях, не влекущих ответственности по законодательству РФ

ДОВОД № 1.2.

По мнению суда, объективную сторону инкриминируемого преступления в период с 17.05.2018 года по 26.03.2019 года образуют:

- подготовка и организация незаконных массовых мероприятий, активная деятельность по дискредитации в обществе действующей политической власти в Республике Ингушетия – лист 7 приговора;
- размещение видеороликов о якобы совершенных коррупционных и должностных преступлениях, освещение «незаконных» протестных акций, координация деятельности активистов и участников протестного движения, манипулирование этническими обычаями – лист 8 приговора;
- пропаганда своих политических взглядов и размещение пропагандистских материалов с использованием интернет-ресурсов – лист 9 приговора;
- вызов депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия в Духовный центр мусульман Ингушетии с целью понуждения раскрытия подробностей тайного голосования – лист 13 приговора;
- выражение сомнений принципа общеобязательности судебного акта, умаление этим авторитета исполнительной и судебной власти Российской Федерации – лист 14 приговора;
- формирование ложного и устойчивого мнения о незаконности подписания соглашения и вынесенного Конституционным Судом РФ Постановления № 44-П от 6.12.2018 года – лист 15 приговора).

А также в действиях, являющихся **законными** - обращение в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации – Правительство Республики Ингушетия для согласования публичных мероприятий в форме митинга (листы 9-17 приговора).

ВЫВОД: уголовный закон не связывает с такими действиями возможность квалификации деяния, совершенного группой лиц, как деятельности экстремистского сообщества, которое создается для подготовки или совершения исключительно преступлений, причем только экстремистской направленности, а не административных и иных правонарушений.

Не могут свидетельствовать о совершении преступления законные действия, вуалированность которых судом не только не доказана, но и не описана.

Преступлением является не любое незаконное деяние, а лишь такое, которое, представляя общественную опасность, запрещено Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания. Данное требование уголовного закона проигнорировано судом первой инстанции при вынесении приговора и юридической оценке действий подсудимых.

К неправильному применению уголовного закона привело решение об изложении фактических обстоятельств по трем инкриминируемым преступлениям, предусмотренным ст. 318, 239 и 282.1 УК РФ, сплошным текстом, без приведения их отдельно по каждому предъявленному обвинению.

По мнению суда,

осуществление действий, направленных на обострение политической обстановки и дестабилизации деятельности органов власти в Республике Ингушетия свидетельствует о подготовке к преступлениям, направленным на применение насилия к представителям власти по мотивам политической вражды.

Доказательства и фактические обстоятельства указывают на следующее:	1.	Действия, направленные на обострение политической обстановки и дестабилизацию деятельности органов власти в Республике Ингушетия, отставку руководства республики, сами по себе не являются запрещенными уголовным законом и не могут являться характеристикой экстремистского сообщества.
	2.	Ни из обвинения, ни из содержания представленных доказательств не следует, что действия кого-либо из подсудимых дестабилизировали (то есть сделали невозможной либо существенно затруднительной) работу какого-либо органа власти, либо должностного лица.
	3.	Из приговора (в том числе, описания преступного деяния) не следует прямая причинно-следственная связь между якобы совершенными действиями, направленными на обострение политической обстановки, и последующим применением насилия к представителям власти конкретными лицами, в конкретное время и в конкретном месте (27 марта 2019 года с 4 часов 40 минут по адресу: Республика Ингушетия, г. Магас, пр. И. Зязикова, дом 15).

Инкриминируемое подсудимым преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 318 УК РФ, не может свидетельствовать о существовании обозначенного судом экстремистского сообщества, поскольку обстоятельства этих преступлений никак не связаны между собой. Обратное из оспариваемого приговора не следует.

Неоднократно упоминаемые судом в приговоре побуждения граждан к совершению преступлений экстремистской направленности (в частности, лист 14 приговора), учитывая отсутствие конкретизации (о каких именно преступлениях идет речь и как именно их побуждали к совершению таких преступлений), являются безосновательными и подлежали исключению из обвинения, как основанные на предположении.

Суд установил, что:

«примерно в 4 часа 40 минут 27.03.2019 года... руководители и участники экстремистского сообщества – подсудимые... поняли, что своими незаконными действиями они создали условия для реализации их совместного преступного умысла, а именно: непосредственному причинению участниками несанкционированного митинга вреда здоровью представителям власти».¹

Вместе с тем, в приговоре не указано:

какие именно условия для совершения преступления были созданы, как и почему (по каким признакам) подсудимые это поняли и какие **активные действия**, образующие объективную сторону конкретного состава преступления, выполнили. Подтверждающих такой вывод доказательств в приговоре также не приведено, обвинение в этой части основано на предположении, является безосновательным и голословным.

ДОВОД № 1.3. Отсутствуют иные признаки экстремистского сообщества

Постановление Пленума ВС РФ № 11 определяет обязательные признаки экстремистского сообщества:

Устойчивость и организованность, предполагающие высокий уровень организованности экстремистской структуры и включающие в себя совокупность таких элементов как

- наличие устава;
- руководителя (лидера) или руководящего ядра;
- определенной структуры;
- символики;
- дисциплины, основанной на собственных нормах поведения.
- системы мер воздействия на ее нарушителей;
- техническая оснащенность;
- распределение ролей;
- другие обстоятельства, свидетельствующие о сплоченности группы лиц.

Таким образом объективная сторона преступления состоит в деятельности конкретных лиц по созданию или руководству, участия в нем (разработка устава, составление программы, планирование, принятие решений, подготовка и проведение экстремистских акций и т.п.).

¹ Лист 17 приговора

Ни один из приведенных признаков в оспариваемом приговоре не нашел своего отражения.

Описание характеристик экстремистского сообщества в приговоре сводится к абстрактным формулировкам и цитированию Постановления Пленума ВС РФ № 11, без конкретизации применительно к рассматриваемому уголовному делу и фигурирующим в деле подсудимым.

1. В описательно-мотивировочной части приговора отсутствуют доказательства, указывающие на устойчивость, сплоченность, согласованность действий всех участников, контроль над членами и поддержание внутренней дисциплины, соблюдение мер конспирации.
2. Суд ссылается на систематичность совершения преступлений экстремистской направленности как характеристику указанного общества, однако из описания преступного деяния такая систематичность не следует. Все приведенные выводы суда основаны на предположении.
3. Описанные в приговоре формы и методы деятельности и финансирования экстремистского сообществ¹, возложенные на членов экстремистского сообщества обязанности² носят законный характер и сами по себе не свидетельствуют о создании и функционировании экстремистского сообщества, не отражают объективной стороны состава преступления.

Причастность лиц и единство умысла с Ужаховым М.М. не установлены

Суд квалифицировал действия
всех осужденных по ст. 282.1 УК РФ³

Эти действия сопряжены с поведением
только одного из них – Ужахова М.М.

Причастность осужденных к таким действиям, их совершение с единым с Ужаховым М.М. умыслом в обвинении не отражены, что свидетельствует о неотносимости обвинения в данной части к осужденным Бархоеву, Чемурзиеву и Саутиевой.

При этом в приговоре отсутствуют сведения, когда именно в экстремистское сообщество вошли Нальгиев И.М., Чемурзиев Б.А., Хаутиев Б.А., Саутиева З.М. и другие лица, что с учетом формального состава инкриминируемого подсудимым преступления, является **существенным нарушением закона**, влияющим на его юридическую состоятельность.

Суд в приговоре неоднократно оценивает действия осужденных как незаконные, однако при этом в приговоре не указано, какая норма и какого закона нарушена ими, что свидетельствует о неопределенности предъявленного обвинения и невозможности эффективно возражать против него.

¹ Листы 6-7 приговора

² Листы 7-8 приговора

³ Листы 10-12 приговора

По мнению суда	Нарушена статья 40 Федерального закона от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
Фактически	Какая именно ее часть и как именно нарушена статья в приговоре не конкретизировано.
Вывод	Никаких препятствий к осуществлению депутатами полномочий не чинилось (свидетельства обратного в приговоре не приведены), а встречи депутатов с избирателями являются законной формой их общения (части 5.2-5.5 ФЗ). Вывод суда о незаконности действий подсудимых в данной части вызывает обоснованные сомнения.
Доказательства	Показания свидетелей Амриевой М.С., Накастоева А.Ж., Мамилова З.И., Евлоева Б.М., Оздоева З.И., Хаштыгова М.М. (помощник муфтия)

Каждый из допрошенных депутатов показал, что участвовал в заседании «шариатского суда» добровольно, без какого-либо внешнего давления и агрессии.

Суд проигнорировал имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие версию защиты:

1. Видеообращение Барахоева А.О. по поводу вызова депутатов.
Содержание видеообращения самого Барахоева А.О. по поводу вызова депутатов: «Отречься от людей, навесить на них ярлыки, сказать, что они такие или не такие – не удел старейшин, не удел мусульман, мы не стремимся к этому. Да и никто в этой республике не стремится к этому. Унижать честь мы считаем неправильным. Мы против этого. Но есть одна правда, от безысходности, мы, совет тейпов, позвал этих депутатов, предложил им собраться, если нет другого пути» (том 9 л.д. 167).
2. Выступления депутатов также не указывают на признаки оказываемого на них давления и отсутствие добровольности их явки и дачи пояснений.¹ Часть из них пришла на митинг 26 марта 2019 года.²

Юридическое обоснование действий всех участников описанных событий во многом было обусловлено решением Конституционного Суда Республики Ингушетия.

¹ Т.9 л.д. 172-204

² Т. 11 л.д.143

Суд эти доказательства (сведения) проигнорировал и не привел их в приговоре, исказив содержание протокола осмотра предметов от 19.04.2019 года.

(л. 152-153 приговора)

ВЫВОД: вопреки выводам суда первой инстанции,¹ само по себе видеообращение Барахоева о вызове их (депутатов) в суд и ранее высказанная позиция о результатах тайного голосования не свидетельствуют о принудительном характере действий депутатов, значительная часть которых не явилась на так называемый «шариатский суд», то есть не опасалась общественного порицания.

Изложенное свидетельствует о надуманности соответствующего вывода суда, который не подтвержден приведенными в приговоре доказательствами.

ДОВОД № 1.4. Выводы о «конспирации» сделаны без применения специальных познаний

Указывая на такой признак экстремистского сообщества как «конспирация», суд первой инстанции сослался на использование для переговоров мессенджеров «WhatsApp», «Viber» и «Telegram» для конспирации, так как информация с них, по мнению суда, представляет сложность для правоохранительных органов.²

Вывод суда носит явно предположительный характер, поскольку в его обоснование в приговоре не приведено ни одного доказательства. В том числе, предметом судебного разбирательства не являлся вопрос о сложности получения информации, содержащейся в таких мессенджерах (который требует применения специальных познаний).

На самом деле мессенджеры не запрещены в РФ являются обычным и наиболее популярным и дешевым средством общения ее граждан (доказательств обратного стороной обвинения не представлено и в приговоре не приведено).

В судебном заседании не были представлены доказательства, свидетельствующие о попытках сотрудников правоохранительных (оперативных или следственных) органов получить такую информацию, а также трудностях, возникших в связи с ее получением.

Кроме того, в оспариваемом приговоре суд пришел к выводу о недоказанности создания групп мессенджеров «вотсап» и «телеграмм» в рамках экстремистского сообщества (лист 338 приговора), что свидетельствует о противоречивости приговора в данной части.

¹ Листы 311-312, 319 приговора

² Лист 9 приговора

Довод суда № 1	Довод суда № 2	На самом деле
Получение информации с мессенджеров «WhatsApp», «Viber» и «Telegram» для правоохранительных органов представляет сложность	Не доказан факт создания групп в мессенджерах в рамках экстремистского сообщества	Отсутствуют доказательства, свидетельствующие о попытках сотрудников правоохранительных (оперативных или следственных) органов получить такую информацию, а также трудностях, возникших в связи с ее получением

В обвинительном заключении отсутствует указание на точное время и место создания экстремистского сообщества, а также вступления в него.

Довод суда	Ошибочность довода суда
Суд посчитал, что неустановление таких обстоятельств не свидетельствует о неполноте предварительного следствия и нарушении права на защиту, так как участники сообщества использовали меры конспирации и тщательно скрывали свои истинные намерения, согласованные действия и наличие единого умысла. ¹ (лист 317 приговора).	Соответствующие обстоятельства в любом случае не освобождают сторону обвинения (следователя и прокурора) от обязанности доказать событие преступления (включая место и время) и виновность лица в совершении преступления (статья 73 УПК РФ).

Вывод суда носит явно предположительный характер, поскольку в приговоре не приведено ни одного доказательства, свидетельствующего о таких конспирации и сокрытии.

Фактически в оспариваемом приговоре суд **вуалирует недоказанность** определенных обстоятельств (в рассматриваемом случае обстоятельства создания экстремистского сообщества и вступления в него) **ссылкой на конспирационные мероприятия**, не позволившие их установить.

Недопустимое доказательство

Не представлено и не добыто доказательств, свидетельствующих о наличии в обозначенной в приговоре группе:

1. Устава, в котором обозначается название организации, определяются цели и задачи, условия вступления и выхода, регулирующего деятельность организации;
2. Наличия соответствующей структуры и символики, позволяющей идентифицировать указанную организацию и ее отличить от существующих законных формирований.

Никаких компрометирующих сведений не добыто по результатам обысков, проведенных по местам жительства всех осужденных.

¹ Лист 317 приговора

В приговоре отсутствуют подтверждения устойчивых связей между осужденными, а также их единства при совместной разработке планов и (или) создании условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Не приведено ни одного доказательства, могущего свидетельствовать о тесной взаимосвязи между участниками, их регулярном общении на почве дискриминационных политически враждебных взглядов, наличия единой для всех осужденных цели и совершения действий, образующих объективную сторону какого-либо преступления экстремистской направленности.

Не свидетельствует об этом и установленные судом первой инстанции фактические обстоятельства.

Суд формально процитировал протокол осмотра предметов от 20.02.2020 и не дал оценку ему наравне с другими доказательствами¹:

«Подсудимые в период инкриминируемых им преступлений регулярно поддерживали мобильную связь между собой, не только с зарегистрированных на них абонентских номеров, но и с помощью абонентских номеров, принадлежащих и зарегистрированных на ООО «Диана».²

Суд не проверил сведения и не установил:

когда именно, кто из подсудимых и с кем поддерживал мобильную связь, какие абонентские номера при этом использовал, какие доказательства, исследованные в судебном заседании, подтверждают факт использования подсудимыми абонентских номеров, принадлежащих и зарегистрированных на ООО «Диана».

Исследованные в судебном заседании протоколы осмотров детализаций телефонных соединений содержат исключительно сведения:

- о местах выхода подсудимых в эфир 26-27 марта 2019 года;
- указание о необнаружении какой-либо иной, значимой для уголовного дела информации.

Наличие преступной связи между всеми подсудимыми до 26.03.2019 года объективно ничем не подтверждено, противоречия в приговоре не устранены.

При квалификации суд не раскрыл используемые термины

В приговоре при квалификации действий подсудимых суд неоднократно применяет термины:

«политическая власть»

«политическая система»

«дискредитация в обществе действующей политической власти в Республике Ингушетия»³

¹ Т. 109 л.д. 86-100

² Листы 187-188

³ Листы 7, 9, 10 приговора

Содержание данных терминов («политическая власть» и «политическая система»), имеющих, по мнению суда, **юридическое значение**, в приговоре **не раскрыто**.

В Российской Федерации термины власть и система (политические) не определены и отсутствуют нормативно, в том числе, в Конституции Российской Федерации.

По тексту Конституции в России существуют лишь государственная власть и местное самоуправление, законодательная, исполнительная, судебная ветви власти.

Игнорирование существующего законодательства в приговоре свидетельствует о незаконности судебного акта и наличии у осужденных неустранимых препятствий для осуществления своей защиты в той части, в которой обвинение не может быть признано **конкретным, ясным и понятным, соответствующим требованиям действующего законодательства**.

ДОВОД № 1.5. Отсутствует мотив политической вражды (ненависти)

Суд первой инстанции в приговоре сослался на разъяснения Постановления Пленума ВС РФ № 11¹, из которых следует, что:

при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать с одной стороны охрану публичных интересов (**основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации**), а с другой – защиту гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина – свободы совести и вероисповедания, **свободы мысли, слова**, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, **права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование**.

(пункт 1)

Однако соблюдение соответствующего баланса при рассмотрении и разрешении настоящего уголовного дела не обеспечил, проигнорировав другие разъяснения, содержащиеся в том же Постановлении.

Пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ № 11 разъясняет, что:

судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым **соглашаются стать объектом** общественной политической дискуссии и **критики** в средствах массовой информации; **государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике** в средствах массовой информации **в отношении того, как они исполняют свои обязанности**, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. В отношении должностных лиц (профессиональных политиков) **пределы**

¹ Лист 326 приговора

допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц. Критика политических организаций, политических убеждений сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Описанная в приговоре как политическая вражда позиция осужденных с учетом действующего законодательства представляет собой критику государственного должностного лица – Главы Республики Ингушетия Евкурова Ю.Б.Б. в отношении того, как он исполняет свои должностные обязанности.

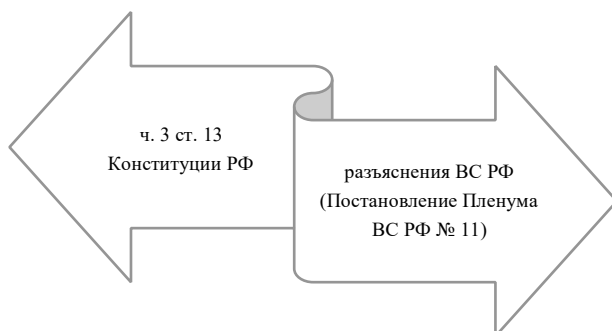
Суд ошибочно указывает:

Действия подсудимых «выходили за пределы понятия свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».¹

На самом деле:

Суд не обосновывает фактически свои выводы и не подкрепляет свою позицию соответствующими законоположениям, что свидетельствует о немотивированности и необоснованности приговора в данной части.

Термин «политическая вражда» нормативно не определен (не дано его официальное юридическое толкование), из системного толкования российского законодательства следует:

политическая ненависть или вражда как мотив совершения преступления идет в одном ряду с идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой либо ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы, производны от признаваемых в силу Конституции РФ идеологического и политического многообразия, многопартийности.

Тем самым, носят дискриминационный характер и предполагают наличие конфликта, связанного с политическими взглядами и убеждениями, в том числе принадлежностью к определенной политической партии (равно как с национальными, религиозными, идеологическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе), что и составляет суть экстремизма, проявляясь в обосновании и (или) утверждении необходимости геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершении иных противоправных действий в отношении какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии, тех или иных политических взглядов и убеждений (в частности, пункты 3, 7, 14).

¹ Лист 325 приговора

Суд ошибочно указывает

Члены экстремистского сообщества стали резко негативно оценивать действия и решения властей республики, открыто и цинично демонстрировать свою политическую вражду к Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.Б.Б.¹, Барахоев А.О. выразил несогласие с подписанными Главами Республики Ингушетия Евкуровым Ю.Б.Б. и Чеченской Республики Кадыровым Р.А. Соглашением.²

Фактически

Эти обстоятельства не являются «политической враждой» по смыслу уголовного законодательства. Никакой дискриминационной критики Евкурова Ю.-Б.Б. в связи с его политическими взглядами, убеждениями, принадлежностью к политической партии ни один из осужденных не выражал, что исключает такой мотив как признак состава преступления по ст. 282.1 УК РФ.

Сведений о том, что действия подсудимых нарушали публичные интересы (основы конституционного строя, целостность и безопасность Российской Федерации) в оспариваемом приговоре не приведено.

Суд в приговоре неоднократно упоминает термины «политическая ненависть», «ненависть по политическим мотивам»,³ которые не упоминаются в предъявленном осужденным обвинении.

Суд ошибочно: отождествляет понятия «вражда» и «ненависть», что противоречит уголовному закону.

Это свидетельствует о неправильном применении судом закона, а также об ошибочном толковании при вынесении решения.

На листе 320 приговора суд признает, что все преступления были совершены по мотивам политической ненависти, хотя никому из подсудимых такой признак не инкриминировался.

¹ Лист 8 приговора

² Лист 12 приговора

³ Листы 304 и 320 приговора

Как понятия трактует суд

ВЫВОД: причиной проведения митингов и других описанных в обвинении мероприятий выступала не политическая вражда, а **конкретные** общественно-значимые **решения**, принятые государственными органами и должностными лицами. Причем эти решения достоверно определены в **уведомлениях о проведении митингов**.

При обращениях в Правительство Республики Ингушетия с уведомлением о проведении публичных мероприятий в форме митинга осужденные в качестве целей их проведения обозначали:

- «требование возврата жителям Республики Ингушетия Конституционного права – прямых выборов Главы Республики Ингушетия»;¹
- отставку Главы Республики Ингушетия;²
- выражали «протест против принятия Народным Собранием Республики Ингушетия Конституционного закона Республики Ингушетия № 183/1-19 «О референдуме Республики Ингушетия» и Закона Республики Ингушетия № 184/1-19 «О местном референдуме Республики Ингушетия»³, против соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой от 26.09.2018.⁴

Такие уведомления, в том числе, согласовывались органом исполнительной власти.

Соответствующая общественно-значимая реакция подсудимых была обусловлена вынесением Конституционным Судом Республики Ингушетия **постановления от 30.10.2018 года**, согласно которому Закон РИ от 4.10.2018 года №42-ФЗ «Об утверждении Соглашения об установлении границы между РИ и ЧР» признан не соответствующим Конституции РИ.

Соглашение без его утверждения на референдуме не порождает правовых последствий.⁵

¹ Листы 9 и 10 приговора

² Т. 29 л.д. 107

³ Листы 15, 229 приговора, т. 14 л.д. 252, т. 29 л.д. 98, 101, т. 88 л.д. 116, 120, 208, 231

⁴ Т. 14 л.д. 229, т. 16 л.д. 119, 123

⁵ Т. 176 л.д. 19-28

Суд не дал никакой оценки следующим доказательствам

(в том числе, в связи с необходимостью установления умысла подсудимых):

- постановление Конституционного Суда Республики Ингушетия от 30.10.2018;
- пояснения депутатов Народного собрания Республики Ингушетия относительно порядка голосования по данному вопросу;
- обращение шести депутатов народного собрания Республики Ингушетия 08.10.2018 в СУ СК РФ по Республике Ингушетия по факту фальсификации результатов тайного голосования по вопросу принятия закона об утверждении соглашения об установлении границ между РИ и ЧР;¹
- административное исковое заявление от 11.10.2018 года в Магасский районный суд Республики Ингушетия по тому же вопросу.²

Не может быть признано враждой и желание отставки действующего Главы Республики, которое было обусловлено исключительно существом принятых им в связи с занимаемой государственной должностью решений, но не с его политическими взглядами и убеждениями, партийной принадлежностью.

Вывод суда о том, что подобные действия (протесты, требования и возражения) представляют собой форму «политической вражды» безосновательны.

ч. 2 ст. 318 УК РФ

В равной мере эти доводы применимы к оценке признака совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, по мотивам политической вражды, поскольку никакой дискриминации сотрудников полиции, задействованных в охране общественного порядка 27.03.2019 года, в связи с их политическими взглядами и убеждениями, не допускалось.

Обратное не вытекает ни из оспариваемого приговора, ни из исследованных в судебном заседании доказательств.

Вывод суда, что подсудимые организовали применение насилия к представителям Росгвардии, полагая, что они действуют в интересах именно Евкурова³, носит явно предположительный характер, не подтвержден приведенными в описательно-мотивировочной части приговора доказательствами.

Суд нарушил положения ст. 252 УПК РФ:

Из обвинения в качестве юридически значимого обстоятельства, свидетельствующего о наличии политической вражды к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.Б.Б., а также одного из мотивов инкриминируемых преступных действий, следовало недовольство осуществляемой им (Евкуровым) **общественно-политической деятельностью**.

Суд исключил соответствующие обстоятельства и изменил обвинение в нарушение закона.

¹ Т. 176 л.д. 40-41

² Т. 176 л.д. 48-99, листы приговора 285-286

³ Лист 321 приговора

Это дополнительно свидетельствовало об отсутствии признака политической вражды, поскольку предметом критики осужденных являлась не общественно-политическая деятельность Евкурова, а принимаемые им как должностным лицом государственные решения, облеченные в форму нормативного акта, обязательного для неопределенного круга лиц и рассчитанного на неоднократное применение.

Предмет критики	Доказательство
Не общественно-политическая деятельность Евкурова, а принимаемые им как должностным лицом государственные решения, облеченные в Форму нормативного акта, обязательного для неопределенного круга лиц и рассчитанного на неоднократное применение	Содержание обвинительного заключения (в котором не фигурирует ни одного общественно-политического действия или решения Евкурова)

Такое изменение обвинения расширило его содержание, поскольку позволило суду рассматривать недовольство всей осуществляемой деятельностью Евкурова Ю.-Б.Б. как признак политической вражды.

ВЫВОД: Увеличение объема обвинения ухудшило положение подсудимых, нарушило их право на защиту, не позволило эффективно защищаться от предъявленного обвинения.

Нарушена статья 8 Уголовного кодекса РФ

В уголовном деле отсутствуют такие обязательные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, как:

- объединение для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений;
- экстремистская направленность преступлений;
- совершение преступлений по мотиву политической вражды;
- общность преступных намерений;
- осознание осужденными общих целей функционирования экстремистского сообщества и своей принадлежности к нему.

Эти признаки не только не описаны в обвинительном приговоре, но и не нашли своего отражения в доказательствах, приведенных в его описательно-мотивировочной части.

В обвинительном приговоре отсутствует

описание **конкретных умышленных действий**, направленных **на создание условий** для совершения определенных **преступлений экстремистской направленности** или свидетельствующих о **готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения**, что также исключает преступность и наказуемость действий (бездействия), осужденных в данной части.

В приговоре не приведено ни одного доказательства

достижения договоренности между осужденными и другими лицами о применении насилия в отношении представителей в целом, и по признакам принадлежности (или непринадлежности) к определенным политическим взглядам и убеждениям.

(в частности, о разработке планов деятельности экстремистского сообщества, о подготовке к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности).

Ни в судебном заседании, ни в приговоре не опровергнуты

показания подсудимых о том, что их участие в тех или иных мероприятиях, в том числе, на митингах, являлось выражением их личной гражданской позиции, они как избиратели пытались донести мнение и позицию народа до главы республики по важным для народа вопросам.

фраза Барахоева А.О. из
видеозаписи «MVI_0552

«Я болею душой за свой народ, я не хочу, чтобы кровь
проливалась»

обращение Барахоева А.О.
от 26.02.2019

«Мое мнение и мнение моих соратников»

Эта позиция выражалась в корректной и лексически-допустимой форме, не сопровождалась унижающими честь и достоинство других лиц формулировками, неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, не содержало заведомо для подсудимых ложных сведений.

Из заключений эксперта от 28.06.2019 года № 1650, 1651/9-1, от 2.08.2019 года № 1662, 1663/91, от 31.07.2019 года № 1658, 1659/9-1, от 28.06.2019 года № 1652, 1653/9-1, от 29.07.2019 года № 1656, 1657/9-1, от 29.07.2019 года № 1654, 1655/9-1, от 2.08.2019 года № 1664, 1665/9-1, от 11.10.2019 года № 1809, 1810/9-1, от 11.10.2019 года № 1813, 1814/9-1, от 15.10.2019 года № 1819, 1820/9-1, от 11.10.2019 года № 1811, 1812/9-1, от 14.10.2019 года № 1817, 1818/9-1, от 18.10.2019 года № 1958, 1959/9-1, от 2.08.2019 года № 1660, 1661/9-1, от 7 июня 2019 года № 4л/8-19, от 10.01.2020 года № 4 следует:

В высказываниях Ужахова, Барахоева, Погорова, Масальгова, Хаутиева, Нальгиева, Чемурзиева не содержатся лингвистические и психологические признаки возбуждения вражды (ненависти, розни).¹

Суд постановил, что выводы, изложенные в исследованных в судебном заседании заключениях экспертов, не вызывают сомнений.²

ВЫВОД: не может быть признано состоятельным признание обстоятельством,отягчающим наказание подсудимых по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 239 и 318 УК РФ, совершение преступления по мотивам политической вражды.

¹ Листы 291-295 приговора

² Лист 296 приговора

ДОВОД № 2

Неправильное применение норм материального и процессуального права при квалификации по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318 УК РФ

ДОВОД № 2.1.

Выводы суда об организаторской деятельности подсудимых противоречат уголовному закону

Суд признал подсудимых виновными в организации применения насилия, опасного для здоровья, в отношении представителя власти, в связи с исполнением им своих должностных обязанностей со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Диспозиция части 3 статьи 33 УК РФ предполагает, что:

- организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением.

Обе эти формы соучастия в преступлении предполагают активную роль лица (лиц) в совершении преступления и должны являться признаками объективной стороны совершенных преступлений.

Организация совершения преступления как элемент объективной стороны преступления заключается в подготовке совершения преступления в целом или в большей его части посредством разработки плана совершения преступления, приискания соучастников, орудий и средств совершения преступления, обучения соучастников и т.д.

Из приговора следует, что:

так называемые «участники экстремистского сообщества» и другие организаторы митинга осуществили психологическую мотивацию и стимулирование участников несогласованного митинга с целью их неподчинения законным требованиям представителей власти, и применения к ним насилия в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, а именно провокационно взывали к их мужскому достоинству и национальному единству, манипулируя тем самым этническими обычаями, и своим присутствием демонстрировали в качестве примера для остальных стойкость в своих радикальных политических убеждениях, решимость в их отстаивании и готовность применения для этого физической силы, в целях возбуждения агрессии у населения Республики Ингушетия, координировали происходящие события в целях

недопущения прекращения сопротивления, поддерживали среди окружающих участников несогласованного митинга агрессивные настроения».¹

Доказательства и фактические обстоятельства указывают на следующее:

1. В приговоре не приведено доказательств, могущих свидетельствовать об этом, то есть соответствующий вывод суда носит предположительный характер.
2. Уголовный закон не связывает с такими действиями и бездействием исполнение роли организатора
3. Описанные действия (бездействие), даже с учетом содержания обвинения, не находились в прямой причинно-следственной связи с применением к сотрудникам правоохранительных органов насилия и угрозы применения такого насилия, а также причиненными последним телесными повреждениями различной степени тяжести, что исключает преступность и наказуемость инкриминируемого осужденным деяния.

Выводы суда противоречат существу организаторской деятельности, предполагающей активные действия.

Суд, мотивируя свои **выводы о виновности** осужденных, **квалифицировал** в качестве таковой **бездействие осужденных**:

- не призывали людей после 18 часов 26 марта 2019 года расходиться;
- не организовали демонтаж и погрузку оборудования, использованного на митинге;
- не убрали стулья, на которых днем сидели старейшины, звукоусиливающую аппаратуру, подиум, на котором выступали люди;
- сами не покинули митинг;
- высказали просьбу разойтись после столкновения с правоохранителями и после частичного выполнения органами власти их требований;
- не увели людей, хотя имели реальную возможность это сделать.²

Приведенные обстоятельства вовсе не свидетельствуют о том, что подсудимые полностью манипулировали и управляли действиями митингующих на площади, делали это в целях реализации преступного умысла, направленного на организацию причинения насилия к представителям власти.³ (Этот вывод явно надуман и носит предположительный характер).

Действия Барахоева А.О. не лежат в прямой связи с поведением митингующих

ДОВОД № 2.2.

По мнению суда:

Именно Барахоев А.О. своими действиями побудил правоохранительные органы к силовому вытеснению митингующих с площади, достоверно зная, что люди в виду призывов членов

¹ Листы 18-19 приговора ² листы 302-303 приговора

² Листы 302-303 приговора

³ Листы 303, 305 приговора

экстремистского сообщества откажутся добровольно покидать площадь, окажут активное сопротивление сотрудникам Росгвардии, и применят к ним насилие.¹

Этот довод носит явно предположительный характер и не позволяет установить причинно-следственные связи между описанными событиями, в то время как содержание приговора и исследованных доказательств свидетельствует об их случайном и хаотичном характере.

Противоречия в квалификации

Довод суда № 1

Лица из числа митингующих в количестве не менее 39 человек умышленно применили насилие в отношении представителей власти, находясь под влиянием общественного, политического и религиозного авторитета руководителей и участников экстремистского сообщества – подсудимых, лица № 1, а также других лиц.

лист 20 приговора

Довод суда № 2

Столкновения произошли по вине большинства присутствующих на площади молодых людей, которые явно находились под влиянием подсудимых, по просьбе которых в дальнейшем покинули площадь.

лист 308 приговора

На самом деле:

Действия указанных (агрессивнонастроенных) митингующих могут быть результатом влияния авторитета других лиц, не фигурирующих в рассматриваемом уголовном деле, а также быть совершены не в связи с описанными в приговоре действиями осужденных, а в связи с авторитетом неограниченного (по крайней мере по приговору) круга лиц.

В чем заключалось это влияние и кем из подсудимых оно оказывалось в приговоре не отражено, в том числе, применительно к исследованным судом видеозаписям и протоколам их осмотра следователем.

вывод

Содержание оспариваемого приговора свидетельствует о его противоречивости в части изложения мотивов, которыми руководствовались митингующие, применившие насилие в отношении представителей власти.

Вывод суда

С учетом «достаточного авторитета среди людей, применивших насилие к представителям власти, используемого для достижения

¹ Лист 19 приговора

целей преступления наличие каких-либо личных отношений между подсудимыми и лицами, применившими насилие, не требовалось».¹

Правовое основание	Ч. 3 ст. 33 УК РФ предполагает связь между организатором и исполнителями, то есть единый сознательный умысел.
---------------------------	---

Таким образом	При условии правильного применения уголовного закона, субъекты, обозначенные судом как «лица, применившие насилие» должны быть исполнителями преступления, а организаторы того же преступления должны участвовать в его совершении посредством соучастия, то есть совместного и сознательного участия. Отсутствие личных взаимосвязей между организатором и исполнителем исключает элемент осознанности соучастия, а соответственно и возможность квалификации действий подсудимых со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.
----------------------	---

Организаторство должно быть признаком объективной стороны конкретного преступления, а не абстрактной юридической конструкции.

ВЫВОД: наличие «достаточного авторитета» перед митингующими, применившими насилие к представителям власти, также объективно не подтверждено, обосновывающие это доказательства в приговоре не приведены, в том числе, на это не указывали сами такие лица (осужденные по ст. 318 УК РФ).

Уголовный закон не связывает организацию совершения преступления с таким правомерным авторитетом.

В подтверждение позиции защиты суд указал:

Преступный умысел «подсудимые доносили не до конкретных лиц, а до лиц, находящихся на площади, и не призывали к применению насилия публично, а лишь настраивали людей не подчиняться требованиям сотрудников не покидать площадь и стоять до конца», «действия лиц, применивших насилие к сотрудникам Росгвардии **были хаотичными**», «в деле нет очевидцев того, как кто-то из подсудимых индивидуально организовал конкретных лиц и руководил их действиями, направленными на применение насилия к представителям власти».²

Очевидные противоречия при квалификации:

Суд исключил возможность квалификации действий подсудимых как организаторских или руководящих, поскольку и та, и другая формы предполагают непосредственную и прямую причинно-следственную связь.

При этом, суд, ссылаясь на влияние авторитета, излагает обстоятельства, свидетельствующие о вероятностных опосредованных связях, исключающих признаки ч. 3 ст. 33 УК РФ.

¹ Лист 318 приговора

² Лист 321 приговора

Выводы:

1. Обстоятельств, при которых подсудимые не организовывали конкретных лиц и не руководили их действиями даже формально исключает наличие такой формы соучастия как организаторство.
2. Вывод о хаотичности полностью противоречит установленным судом доказанными фактическим обстоятельствам совершенного преступления.
3. Сами по себе авторитет и уважение подсудимых со стороны свидетелей никак не свидетельствуют о противоправности их (подсудимых) поведения.¹

Также следует учесть, что из общего числа митингующих, количество агрессивно настроенных и применивших насилие является мизерным, что опровергает вывод суда о негативном воздействии авторитета подсудимых на всю массу присутствующих на площади людей.

ДОВОД № 2.3. Неверная оценка судом доказательств, имеющих значение при квалификации по ст. 318 УК РФ

Приговор не содержит ни одного допустимого, достоверного и относимого доказательства для подтверждения выводов о том, что:

- у кого-либо из осужденных был умысел на совершение преступления, связанного с применением насилия в отношении представителей власти как до 4 часов 40 минут 27.03.2019 года, так и после этого.
- сотрудники подразделений Росгвардии и МВД по Республике Ингушетия воспринимались кем-либо как лица, действующие в интересах действующего Главы Республики Ингушетия Евкурова Ю.Б.Б.,² в отношении них (сотрудников) кто-либо из митингующих испытывал политическую вражду.

Эти выводы носят характер предположения и указывают на необоснованность, немотивированность состоявшегося судебного решения.

По мнению суда

состоявшиеся приговоры в отношении ряда митингующих в данной части не могут иметь преюдициального значения.

Исследованные в судебном заседании доказательства свидетельствуют об обратном.

Документ	Доказательственное значение
Приложенный к уведомлению о проведении митинга 26-28 марта 2019 года регламент указанного мероприятия (датирован 22.03.2019 года) лист 171 приговора	Соблюдался организаторами митинга и все действия происходили в рамках установленных процедур

Показания потерпевших под псевдонимами

Князькин В., Завьялов А., Грищенко А., Горюнов А., Радайкин Я., Вдовин Э., Казанцев А., Ижойкин К., Морозов А., Самарин Н., Пахомов В., Аитов Р., Бакланов М., Саутин К., Витти А., Платунов А., Колбин А., Терещенко В., Карпов М., Владимиров М., Колесник И., Сафин И., Ашимов Н., Токсаров Е., Данилов Е., Серяков Р., Боев И., Логинов В., Дроздов В., Хайров Н., Рахимов К., Миннулин И., Ефимов С., Тутаяев П., Гаврилин Д., Кузьмин С., Миронов Р., Маутин К., Михайлов М., Родин В., а также Великого К.А., Куркина И.П., Девятова Е.И., Матвеева А.А., Гущина И.А., Цилина А., Асанова В.В., Давыдова Д.А.

листы 44-89 приговора

Ни один из потерпевших, несмотря на присутствие на месте преступления, не был очевидцем каких-либо действий подсудимых, связанных с организацией применения насилия или угрозы применения такого насилия;

Не подтвердил этого ни один из допрошенных в суде свидетелей.

Показания потерпевших Куркина И.П., Матвеева А.А., Асанова В.В., под псевдонимами Цилин А., Ижойкин К., Пахомов В., Аитов Р., Бакланов М., Саутин К., Колбин А., Колесник И., Сафин И., Данилов Е., Скряков Р., Дроздов В., Рахимов К., Тутаяев П., Миронов Р., Маутин К., Михайлов М., Родин В., свидетелей Абадиева М.Б., Барахоева Х.М., Накастоева А.Ж., Мамилова З.И., Погорова И.М., Хамхоева И.Б., под псевдонимом Кутфаин М. («Барахоев не давал митингующим оказывать сопротивление», «успокаивал митингующих»), Погорова М.С., Евлоева Б.М., Маербиева А.А., Полещук М.В. (заместитель Министра внутренних дел РИ - «Барахоев положительно влиял на поведение митингующих», «все произошло неожиданно даже для подсудимых», «подсудимые повлияли на людей, чтобы они ушли с площади, чтобы силовое противостояние прекратилось»), Сапралиева К.В. (начальник управления общественной безопасности по РИ – «после начала штурма Масальгов начал оттеснять людей и просил уходить их с площади», «Барахоев, Чемурзиев отталкивали людей, просили их разойтись», «старик уговорили

Из показаний следует, что в толпе митингующих были люди в возрасте, в том числе, подсудимые, которые просили как сотрудников правоохранительных органов не предпринимать действий в отношении митингующих, так и наоборот, останавливали митингующих, пытались их успокоить, просили соблюдать порядок, что подтверждает отсутствие какого-либо преступного умысла, направленного на применение насилия в отношении представителя власти

людей покинуть площадь»), Омарова М.Б., Нальгиева Б.М., Сейнароева К.И., Оздоева А.А., Хаштырова М.Х., Мальсагова Л.О., Харсиевой Т.М., Малхоевой Н.И., Мейриева М.А., Гойгова М.М., Вышегурова М.М., Ганиева М.М., Цороева А.М., Цороевой М.А., Мержоевой М.М., Гагиева М.Г., Цороева М.Б.Ю., Тимурзиева М.Б., Могушкова А.И., Хадзиева М.У., Цороева И.М., Аушева М.Г., Берсанова И.И., Бузуртанова Х.М., Кодзоева Д.И., Гайтукиева М.А., Хаутиева М.О., Богатыревой А.А., Темурзиева Р.Б., Газдиевой М.А., Парагульгова А.А., Дударкиева Р.А. (со ссылкой на видеозапись с его участием), Гойгова А.А., Гогиева Я.И., Дудургова М.М., Нальгиева Х.Б., Хамчиева Т.М.

Показаниями свидетелей Камурзоева Х.М., Кациева Х.М., Нальгиева И.М., Нальгиева С.М.Б., Хамхоева Г.М., Осанова А.М., Зязикова З.С., Бапхоева З.М., Плиева М.Б., Мякинба Б.М., Дзейтова Р.А., Аушева А.М., Вышегурова М.М., Ажигова Э.Ю., Чахкиева А.Х., Хамхоева А.А., Хамхоева З.А., Дугиева И.К., Озиева Т.М., Гагиева Р.К., Нальгиева А.Б., Дзаурова Д.А., Бекова А.Д., Хамхоева М.М. – осужденных по ч. 1 ст. 318 УК РФ

Подтверждают, что их никто не организовывал, их действиями никто не руководил, митингующие действовали хаотично, в то время как подсудимые (в том числе, Барахоев и Чемурзиев) призывали людей успокоиться (листы 243-252 – приговора).

листы 243-252 приговора

Никаких мотивов для дачи этими лицами ложных показаний не установлено и в оспариваемом приговоре не приведено, в связи с чем, оснований не доверять таким показаниям у суда первой инстанции не имелось.

Соответствующее решение о признании этих показаний несостоятельными и подлежащими отклонению¹ не может быть признано законным и обоснованным.

Позиция суда

Доказательства подлежат отклонению, так как, давая названные показания указанные лица не предупреждались об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, поэтому пользуются правом не свидетельствовать против себя; эти показания опровергаются иными доказательствами (там же).

¹ Лист 310 приговора

На самом деле

Такой порядок допроса указанных лиц, при котором они не были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, был избран председательствующим, который обязан руководить судебным заседанием и принимать все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон (ч. 1 ст. 243 УПК РФ).

Правовое основание

Такой порядок допроса предполагается только в отношении лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (статья 281.1 УПК РФ). Указанные лица не относятся к указанной категории в связи с чем подлежали допросу в качестве свидетелей.

Таким образом:

1. Это нарушение допущено (создано) самим судом первой инстанции, который в дальнейшем безосновательно использовал его для отвержения данных указанными лицами показаний.
2. Правом не свидетельствовать против себя наделено каждое допрашиваемое лицо, независимо от статуса, в силу гарантированного Конституцией РФ права, поэтому статус свидетеля не влияет на достоверность и относимость даваемых им показаний по этому основанию (в отличие от допрошенных осужденных).
3. Само по себе непредупреждение обвиняемого (осужденного) по выделенному делу в рамках производства по основному делу об ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний не предопределяет оценку данных им показаний как недопустимых доказательств, поскольку они подлежат, наравне с другими доказательствами, проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности по всем правилам уголовно-процессуального закона.

Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 года № 2169-О

Суд проигнорировал содержание видеозаписи митинга

Содержание

Слышны призывы на ингушском языке успокоиться. Призывы звучат до окончания агрессивных действий отдельных митингующих, что судом было проигнорировано.

(Т. 6 л.д. 115-121, Т. 11 л.д. 61)

Ведущий митинга предупреждает: «призывы, которые нарушают правопорядок, угрожают безопасности страны, такие призывы будут пресекаться, люди, их озвучивающие, будут удалены с митинга».

(Т. 11 л.д. 157)

Барахоев А.О. просит: «просьба у меня. Ребята! К вам просьба, дорогие ребята! Ингушские мужчины, ничего плохого не делайте, соблюдайте закон..., те, кто наверх залезли, слезайте, прошу вас, не нарушайте общественный порядок. Мы здесь все стараемся, чтобы никто не пострадал».

(Т. 11 л.д.158-159)

Барахоев А.О. говорит митингующим: «Успокойтесь! Мы не драться сюда пришла, молодые люди. Вы же сказали, что будете мне послушны. Успокойтесь! Я вам говорю, мы не будем драться и не собираемся драться. Мы пришли сюда, сказать главе республики уйти в отставку. Мы пришли по закону, законным образом бороться за свои права. Я всех призываю к порядку! Ни один человек ничего не делайте того, что не законно». (Т. 11 л.д. 121, 126)

Видеозапись только подтверждает показания вышеуказанных лиц относительно обстоятельств дела.

Суд отклонил без мотивировки в приговоре показания свидетелей, подтверждающих версию защиты о наличии среди митингующих 27 марта 2019 года провокаторов, сославшись на то, что свидетелями являются лица, заинтересованные в исходе дела.¹

Содержание аудиозаписи митинга

В своем вступительном слове Барахоев А.О. просит собравшихся не нарушать закон.²

Аналогичные сведения сообщает Саутиева на записи митинга 26-27.03.2019 года, которая обозначает митинг как «чисто мирный протест», приводит слова Барахоева, который говорит «что у нас нет никаких намерений воевать», необходимо «мирно добиться своих целей», а также слова Погоева, что агрессия стала ответной реакцией на штурм во время утреннего намаза.³

Из разговора от 23.03.2019 года между мужчинами по имени Малсаг и Мурад следует намерение «спокойно пойти, мирно, без оружия, по закону»⁴, из разговора от 25.03.2019 года следует, что «официально дали разрешение» (на митинг).

¹ Лист 308 приговора

² Лист 159 приговора, т. 11 л.д. 152-176

³ Листы 160-161 приговора, т. 11 л.д. 217-234

⁴ Лист 197 приговора

В разговоре Чемурзиева и неизвестного мужчины, первый говорит, что «митинг – это последний законный инструмент, воздействовать на власть».¹

Независимо от того, в какой момент митинга это было сказано, изложенное безусловно опровергает какой-либо преступный умысел у подсудимых, в том числе, связанный с применением насилия к представителям власти.

Разговор Мальсагова, Барахоева и других лиц утром 27 марта подтверждает:

«я чувствую, это не просто так пошло, людей будут провоцировать, Т. 11 л.д. 223-224
хотят сейчас провокацию сделать», «хотят сейчас провокацию сделать», «надо делать то, что говорят власти», «отойдите, отойдите, сейчас дадите им повод сделать провокацию», «стойте, стойте, не кидайтесь», «не кидайтесь стульями, вернитесь», «подождите, не кидайтесь стульями», в микрофон «вы сами их заводите, подождите. Подождите, мы отойдем, вы сами их заводите», «резко ворвавшись на площадь, силовики все-таки спровоцировали», «подождите, слушайте все, подождите», чтение молитвы, «подождите все!»

Со слов Нальгиева И.М. следует:

«полгода назад мы стояли мирно, абсолютно никакого Т. 11 л.д. 197
закона не нарушали, и даже сегодня стояли бы мирно, если бы
не было этих провокаций, они сами пытаются радикализировать людей».

ВЫВОД: подсудимые стали призывать митингующих разойтись не в связи с тем, что добились своей цели (напротив, описанные в приговоре цели достигнуты не были), а в связи с возникшим актом агрессии митингующих, для исключения повторения которого с их (подсудимых) стороны было сделано все от них зависящее, чтобы не допустить каких-либо незаконных действий.²

Приведенные доказательства в своей совокупности подтверждают, что никто из осужденных не имел намерения (умысла) на нарушение закона при проведении митинга, не планировал организовать совершение каких-либо преступных действий.

¹ Лист 206 приговора

² Т. 11 л.д. 126-131

Позиция обвинения

Из личной беседы с руководителями правоохранительных органов, на которой Барахоев «фактически действующий от имени митингующих, оставшихся на площади, на требования увести людей, потребовал предоставить ему время, а получив отказ, сообщил, что они никуда не уйдут, и в случае их вытеснения будут «драться».¹

Суд проигнорировал

1. Содержание разговора Барахоева А.О. и Кавы Д.Б. (который опровергает выводы суда, в том числе, в части наличия преступного умысла.²³
2. Заключение эксперта от 20.09.2019 года № 2435, 2436/9-1: -в высказываниях Барахоева А.О. имеются лингвистические и психологические признаки побуждения Кавы Д.Б. к тому, чтобы он дал возможность людям, собравшимся на митинг, простоять на площади «еще пол дня», «до шести часов»; данное побуждение выражено в форме просьбы и предупреждения (а не требования, как указал суд).

- в речи Барахоева А.О. не имеются психологические и лингвистические признаки угрозы совершения каких-либо действий.⁴

Содержание этой беседы не свидетельствует о воздействии Барахоева А.О. или других подсудимых на третьих лиц, в целях побуждения их к совершению преступлений (преступлений).

Обстановка и характер совершенных действий свидетельствуют о случайности, стихийности и хаотичности реакции участников митинга, как действий ответного характера на мероприятия, которые начали проводить сотрудники правоохранительных органов.

1 Применяемые подручные, а не заранее подготовленные орудия, то, что первым попало под руку (фрагменты и отколы дагестанского облицовочного камня, бордюров, Т. 2 л.д. 222-256 бетона, бетонных изделий, камни, деревянные бруски, тротуарная плитка, части бетонной опоры и парковой лавочки, бутылка)

Листы 142-144
приговора

2 Место расположения митингующих, применивших насилие (их нахождение на значительном расстоянии друг от друга)

¹ Лист 298 приговора

² Т. 9 л.д. 106-149

³ Т. 173 л.д. 30-42, лист 291 приговора

3 Хронология применения насилия

Т. 8 л.д. 106-149

(агрессивные действия начались через 8 секунд после наступления сотрудников правоохранительных органов на митингующих; они имели место со стороны отдельных митингующих лишь после выстраивания сотрудников правоохранительных органов перед митингующими, их окружения и блокировки, с момента первых бросков стульев и до последнего – камня прошло более 8 минут; как следует из протоколов осмотра видеозаписи, стычки происходят в момент соприкосновения с митингующими и связаны с тем, что митингующие не хотят пропускать Росгвардейцев вперед)

4 Отсутствие системности и согласованности совершаемых действий

Запись MVI_0075

(часть митингующих спокойно передвигается и ничего не делает, а другая проявляет возмущение и нервозность, что заметно по поведению и жестам)

Т. 3 л.д. 210

Видеозапись подтверждает:

- Митингующие сами начали агрессивные действия и самостоятельно их прекратили (успокоились).
- Одни митингующие препятствуют другим в использовании стула против сотрудников правоохранительных органов, что свидетельствует о разрозненности действий. Личности митингующих, которые допускали агрессивные выкрики, в настоящем уголовном деле не установлены (однако установлено, что это были не подсудимые).
- Митинг начался и окончился без какого-либо воздействия конкретных лиц.

Т. 3 л.д. 208

Из содержания приговора не прослеживается прямая причинно-следственная связь между какими-то конкретными действиями подсудимых и применением митингующими насилия к представителям власти.

Видеозаписи не зафиксировали каких-либо действий осужденных, могущих повлечь за собой применение насилия в отношении представителей власти.

Суд проигнорировал доказательства защиты

аудиозаписи и стенограммы
Т. 11 л.д. 152-176

Из протокола осмотра предметов (документов) от 8.04.2019 года:

- подсудимые просто **находились** на митинге, не более того.

Применение насилия стало незамедлительным следствием попытки вытеснения митингующих сотрудниками полиции, носило внезапный и неожиданный характер, в связи с чем не может быть признано спланированным.

Описанные судом события никак не соотносятся с действиями подсудимых и не находятся в причинно-следственной связи с ними. По крайней мере, из оспариваемого приговора и приведенных в нем доказательств обратного не следует.

Суд описывает в приговоре

действия митингующих: игнорирование требований
разойтись, воспрепятствование демонтажу, использование металлических ограждений в качестве баррикад и т.д.

На самом деле

Из видеозаписей видно, как митингующие препятствуют друг другу в использовании противодействия сотрудникам правоохранительных органов, просят успокоиться и не реагировать на провокации.

лист 298 приговора

Приведенные в приговоре показания ряда допрошенных лиц о том, что они полагали, что митингующие действовали слаженно, не могут быть признаны допустимым доказательством:

- основаны на догадке и предположении (что следует из самой конструкции этих показаний, а также ссылок на услышанную ими речь на ингушском языке, которую они не понимали);
- эти показания опровергаются содержанием имеющихся в уголовном деле и исследованных в судебном заседании видеозаписей происшествия. Оценки этим противоречиям судом в приговоре не дано.

ДОВОД № 2.4.

Суд подменяет административную ответственность уголовной и допускает двойное привлечение к разным видам карательной ответственности за одни и те же действия.

Факт, что организаторы митинга изначально не намеревались прекращать митинг в отведенное время, то есть после 18 часов 26.03.2019 года,¹ не свидетельствует о наличии у кого-либо из подсудимых умысла на совершение какого-либо преступления.

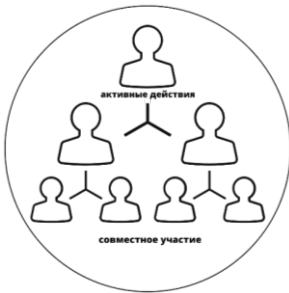
Сами по себе такие действия (бездействие) образуют лишь состав административного правонарушения, за совершение которого подсудимые, за исключением Хаутиева и Саутиевой, были привлечены к административной ответственности.

¹ Лист 302 приговора

Никаких законных оснований для привлечения подсудимых помимо административной к уголовной ответственности у суда при вынесении приговора не имелось, поскольку за пределы административного правонарушения никакие их действия (по признаку юридической квалификации) не выходили.

ДОВОД № 2.5.

Суд признал наличие организаторства преступления в отсутствие соучастия, что противоречит фундаментальным основам общей части уголовного законодательства.

Организация совершения преступления является одной из форм **соучастия**, то есть умышленного **совместного участия** двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Лицо, организовавшее совершение преступления должно действовать в неразрывной связи с иными соучастниками, в том числе, исполнителем преступления.

Причем соучастие (включая организацию) возможно лишь применительно к конкретному преступному деянию, в котором имеется лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями).

Таким образом, помимо активной роли, необходимым признаком организации преступления как формы соучастия является совместный характер участия всех лиц (соучастников) в его совершении.

По смыслу уголовного закона, **организатор объединяет усилия** других соучастников (включая исполнителей), **направляет их** совместную преступную деятельность в стадии подготовки или непосредственного осуществления преступления.

Из состоявшихся в отношении митингующих приговоров следует, что у митингующих умысел возник **внезапно и реализовался незамедлительно**, был связан, в том числе, с нежеланием быть задержанным и привлеченным к административной ответственности за совершенное административное правонарушение, а также с вновь совершенной попыткой вытеснения участников несогласованного митинга. Сведений о соучастии не имеется.

Оспариваемый приговор не содержит также каких-либо сведений о том, что осужденные действовали в соучастии, что свидетельствует о неправильном применении уголовного закона.

ВЫВОД: признать лицо организовавшим совершение преступления можно только в том случае, если его деятельность состояла в активной и сознательной, понятной как организатору, так и другим соучастникам (включая исполнителя), координации их действий.

Когда исполнитель действует самостоятельно и единолично, ему предоставлена свобода выбора, действия третьих лиц, которые до начала выполнения исполнителем объективной стороны преступления, не совершают никаких юридически значимых действий, не могут быть квалифицированы как действия организаторов.

В настоящем деле не представлено ни одного доказательства, свидетельствующего о:

- совместном и согласованном характере действий подсудимых и исполнителей преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ;
- наличии между ними какой бы то ни было преступной (либо иной юридически-значимой связи), что исключает соучастие.

Отсутствие других соучастников преступления и, прежде всего, исполнителя, свидетельствует об отсутствии организаторской деятельности при совершении такого преступления.

Преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ, совершается только с прямым умыслом.

В оспариваемом приговоре суд не мотивировал, на основе каких конкретных доказательств он пришел к выводу, что у осужденных имелся прямой умысел на применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителей власти, в том числе, из установленных судом обстоятельств не следует, что кто-либо из осужденных осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления.

Нормативное основание

П. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 года № 55 «О судебном приговоре: «в силу презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Суд также делает безосновательный вывод, основанный исключительно на предположении о том, что подсудимые не попытались организовать применение насилия к представителям власти во время проведения октябрьских митингов 2018 года, в связи с тем, что цель митинга была достигнута, митинги продлевали и попытку вытеснить сотрудники полиции не предпринимали.¹

По логике суда, получается, что подсудимые имели умысел на совершение преступления, но не осуществляли его по причине обстоятельств, никак не связанных с признаками инкриминируемого состава преступления, что, помимо прочего, **противоречит смыслу**

¹ Лист 304 приговора

уголовного закона и как минимум свидетельствует о добровольном отказе от совершения преступления (даже если бы оно действительно планировалось к совершению).

Суд описывал деяние, которое не инкриминировалась Барахоеву А.О.

Суд в приговоре при описании преступного деяния установил, что:

«своими противоправными действиями Барахоев А.О. побудил правоохранительные органы к силовому вытеснению митингующих с площади, с целью завершения реализации совместного с иными членами экстремистского сообщества преступного умысла, направленного на применение насилия к представителям власти, достоверно зная, что люди в виду призывов членов экстремистского сообщества откажутся добровольно покидать площадь, окажут активное сопротивление сотрудникам Росгвардии, и применят к ним насилие».¹

Такие обстоятельства не инкриминировались Барахоеву А.О. и отсутствуют в предъявленном ему обвинении.

Нарушение статьи 252 УК РФ

Судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Таким образом

Приведенное изменение обвинения сопряжено с его увеличением, ухудшает положение подсудимого и нарушает его право на защиту.

ДОВОД № 2.5. Саутиева З.М. осуждена незаконно и необоснованно

Саутиева З.М. упоминается в установленных судом обстоятельствах совершенных преступлений только в связи с тем, что:

«своим присутствием обязывала оставшихся на площади митингующих любым способом обеспечить ее безопасность как представительницы слабого пола, а также при помощи имеющихся у нее навыков интернет-блогинга и мобильного устройства осуществляла прямые видеотрансляции через социальные сети, по средствам глобальной сети «Интернет», одновременно привлекая внимание средств массовой информации и создавая тем самым большой общественный резонанс».

В описательно-мотивировочной части приговора не приведены доказательства, подтверждающие соответствующий вывод суда.

В приговоре не опровергнуты ее показания, что слова «Ломать строй!» могли быть обращены к сотрудникам правоохранительных органов. Описанные в обвинении действия осужденной сами по себе не носят противоправного характера и не свидетельствуют о ее причастности к каким-либо незаконным действиям (бездействию), в том числе, совершенным другими лицами.

¹ Лист 19 приговора

В остальной части установленных судом доказанными преступных деяний фамилия Саутиевой упоминается абстрактно, при описании действий других осужденных и изложении признаков, которыми характеризуется экстремистское сообщество.

При таких обстоятельствах осуждение Саутиевой З.М. не может быть признано законным и обоснованным.

ДОВОД № 3

Неправильное применение норм материального и процессуального права при квалификации по ст. 239 УК РФ

Из установленных судом обстоятельств преступления следует, что:

1. Некоммерческая организация «Региональное общественное движение «Совет тейпов Ингушского народа» создано 24.10.2016 года¹.
2. К целям создания общества, помимо прочего, отнесены:
 - участие в общественной жизни республики посредством влияния на формирование гражданской позиции участников данного движения;
 - разработка и реализация на практике программ, предусматривающих восстановление исторической справедливости в отношении участников движения, как и всего ингушского народа.²

Описываемые в приговоре факты вписывались в уставную деятельность организации, не носили ярко выраженного политического характера, могли быть оценены как связанные с общественно-значимыми для жизни республики.

По мнению суда

Барахоев А.О. вошел в состав названной некоммерческой организации не позднее октября 2018 года. (лист 5 приговора)

На самом деле

Вывод суда основан не предположении, поскольку в приговоре не приведено обстоятельств и доказательств, неопровержимо свидетельствующих о том, что Барахоев А.О. был именно участником данной некоммерческой организации, а не просто, присутствующим на отдельных, проводимых от ее имени мероприятиях, лицом.

Ошибка при квалификации судом действий Ужахова и Барахоева

Из приговора следует, что Ужахов и Барахоев совершили действия, направленные на побуждение граждан к совершению противоправных действий, воспрепятствование законной деятельности представителей власти, разжигания социальной розни и политической вражды к лицам, осуществляющим функции представителей власти Республики Ингушетия,³ они же «использовали членов данного объединения – представителей тейпов, не осведомленных об

¹ Лист 4 приговора

² Лист 5 приговора

³ Лист 6 приговора

их преступном умысле, для призыва жителей Республики Ингушетия на массовые мероприятия, указывая на якобы незаконные действия органов государственной власти Республики Ингушетия»,¹ что подтверждает приведенные доводы защиты.

Тем самым, действия Ужахова и Барахова, совершенные в связи с деятельностью некоммерческой организации, не были очевидными и не воспринимались членами объединения – представителями тейпов, как незаконные. Другие представители тейпов не были осведомлены о преступном умысле указанных осужденных.

Нормативное основание

ч. 2, 3 статьи 239 УК РФ

уголовная ответственность наступает за создание некоммерческой организации, деятельность которой сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией и участие в ней.

Субъективная сторона этих преступлений характеризуется наличием только **прямого умысла**.

1. В описанной в приговоре ситуации отсутствуют подтверждения того, что Ужахов и Барахов действовали не как физические лица, а именно как участники некоммерческой организации.
2. Отсутствуют свидетельства, что именно деятельность некоммерческой организации (в целом) была сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний (при наличии таковых).

ВЫВОД: действия руководителей и участников такой организации должны быть производны от ее деятельности, в то время как из оспариваемого приговора следует обратная ситуация.

Суд фактически идентифицировал деятельность некоммерческой организации в целом с отдельными действиями конкретных лиц, что не соответствует признакам объективной стороны инкриминируемого преступления.

Ошибки суда первой инстанции:

1. Упомянув побуждение граждан к совершению противоправных деяний и пропаганду таких деяний, не указав, какие именно нормы законодательства были нарушены и связь таких нарушений с деятельностью некоммерческой организации, а не отдельных физических лиц (пусть даже являющихся ее членами).
2. Не установил направленность умысла осужденных, в том числе, с учетом данных ими показаний, которые не были опровергнуты в судебном заседании.

¹ Лист 7 приговора

Конкретные граждане, которых побудили к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не указаны.

Эти доводы подтверждаются предупреждениями о нарушении законодательства, постановлениями об устранении нарушений законодательства, предостережениями прокуратуры Республика Ингушетия по вопросу вызова в «шариатский суд» депутатов, которые были адресованы лично Ужахову М.М. и Барахоеву А.О.,¹ а также «Духовному центру мусульман Республики Ингушетия».²

Таким образом:

прямая причинно-следственная связь между описанными в приговоре действиями (квалифицированными судом как побуждающими граждан к совершению иных противоправных деяний) и деятельностью некоммерческой организации отсутствует и в приговоре не приведена.

Участие сотрудников правоохранительных органов на заседаниях совета тейпов

На заседаниях совета тейпов присутствовали сотрудники правоохранительных органов, со стороны которых никаких замечаний не возникало.

Показания свидетелей Бузуртанова Х.М., Плиева Р.А. и других, уведомления председателя «Совета тейпов ингушского народа» в адрес УФСБ России по РИ, ЦПЭ МВД по РИ, в которых сообщаются дни проведения заседаний совета и предлагается принять в них участие

Т. 176 л.д. 232-235

Суд пришел к выводу, что «иные участники совета тейпов не обладали сведениями о наличии соответствующего сообщества и организации, в которые входили Ужахов и Барахоев, поэтому последние на официальных совещаниях Совета свои преступные планы не обсуждали».²

Это также свидетельствует о том, что некоммерческая организация как самостоятельный субъект хозяйственной деятельности не была вовлечена в какую-либо противоправную деятельность.

Суд безосновательно проигнорировал доводы защиты о мотивах, по которым вынесено решение о ликвидации совета тейпов, хотя эти сведения противоречии выводам суда, приведенным в приговоре.

ВЫВОД: фактически суд признал обвинение в данной части обоснованным только по причине того, что описанные в обвинительном заключении действия совершались Ужаховым в

¹ Лист 235 приговора, т. 97 л.д. 1-2, 18, 25-27, 35-36

² Лист 234 приговора

³ Лист 324 приговора

период, когда он являлся руководителем некоммерческой организации – председателем Совета тейпов РИ.¹

Однако отождествляя действия конкретного физического лица с деятельностью организации, членом которой он состоял, суд неправильно применяет уголовный закон.

По мнению суда Для квалификации действий подсудимых не имеет значение название организации, в которую были вызваны депутаты с целью раскрытия результатов тайного волеизъявления каждого из них, так как сам вызов депутатов противоречит действующему законодательству.²

На самом деле Не конкретизируя такие сведения, в то время, как вызов депутатов, согласно обвинению, составлял объективную сторону преступления, допуская, что такой вызов мог быть осуществлен иной организацией, выводы суда не позволяют соотнести деятельность некоммерческой организации с вызовом депутатов на «шариатский суд» и соответственно квалифицировать действия подсудимых по ст. 239 УК РФ.

Сплошное изложение установленных судом фактических обстоятельств (а не по каждому обвинению, как того требует закон), с учетом перечисления в них нескольких некоммерческих организаций **не позволяет соотнести квалификацию деяния по ст. 239 УК РФ с деятельностью конкретной некоммерческой организации.**

Неопределенность приговора

В целом по всем преступлениям, в совершении которых осужденные признаны виновными, показания последних опровергнуты в ходе судебного разбирательства не были.

ВЫВОДЫ:

Суд уклонился от оценки показаний в части:

- мотивов совершаемых ими действий;
- причинах произошедших событий;
- отношений между подсудимыми (часть которых даже не была знакома между собой).

Суд проигнорировал

- многочисленные доказательства, подтверждающие показания;

¹ Листы 334-335 приговора

² Лист 337 приговора

- положения статей 14 и 302 УПК РФ, в силу которых бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (а не на суде).

Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в установленном УПК РФ порядке толкуются в пользу обвиняемого (а не против него), обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Суд не учел, что показания всех подсудимых характеризовались:

- стабильностью;
- логичностью;
- непротиворечивостью;
- подтверждались совокупностью исследованных доказательств.

В нарушение ст. 14 УК РФ, суд признал подсудимых виновными в совершении действий (бездействия), не запрещенных уголовным законом и влекущих административную (но не уголовную ответственность).

В этой связи вывод суда первой инстанции, что вина подсудимых в создании и участии в экстремистском сообществе, в организации применения насилия в отношении представителей власти, Ужахова в руководстве, а Барахоева в участии в некоммерческой организации подтверждена доказательствами, исследованными в судебном заседании¹ (лист 44 приговора), безоснователен.

ДОВОД № 4 **Неправильное применение норм материального и процессуального права при квалификации действий Барахоева А.О. по ст. 330.2 УК РФ**

Нельзя признать законным осуждение Барахоева А.О. в совершении преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ.

Из оспариваемого приговора следует:

Барахоев А.О., документированный 31.03.2002 года паспортом гражданина РФ, выданным 31.03.2003 года, являясь с 06.02.1992 года гражданином Российской Федерации, будучи обязанным в соответствии с ч. 3 ст. 6 («двойное гражданство») Федеральным законом № 62-ФЗ «О гражданстве РФ» (в редакции Федерального закона от 4.06.2014 года № 142-ФЗ) подать письменное уведомление о наличии иного гражданства в течение шестидесяти дней со дня приобретения данным гражданином иного гражданства; не подал письменное уведомление о наличии у него гражданства Республики Казахстан, которое он получил 22.07.1995 года; в период с 4.08.2014 года по 30.04.2019 года, то есть в срок превышающий 60 дней с момента

¹ Лист 44 приговора

возникновения у него вышеуказанной обязанности, не уведомил соответствующий территориальный орган федерального органа исполнительной власти о наличии у него гражданства иного государства.¹

Суд допускает противоречие в датировании паспорта Барахоева А.О.

Преступление, предусмотренное ст. 330.2 УК РФ совершается с прямым умыслом.

Закон о гражданстве Республики Казахстан от 20.12.1991 года № 1017-ХІІ (в отличие от законодательства Российской Федерации) **не допускает двойного гражданства.**

Гражданство Республики Казахстан утрачивается, если статья 21 Закона
лицо, приобрело гражданство другого государства²

Таким образом, гражданство Российской Федерации автоматически приводило к утрате гражданства Республики Казахстан.

Подтверждением того, что Барахоев осознавал такую утрату, помимо прочего, является пересечение им границы указанных государств 12.02.2019 по гражданскому паспорту РФ.³

1. На момент внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «О гражданстве РФ», в Уголовный кодекс РФ, Барахоев А.О. являлся лицом, утратившим гражданство Республики Казахстан, а соответственно, не имеющий иного (кроме гражданства РФ) гражданства.
2. Кроме того, на момент вступления в силу соответствующих изменений в ФЗ «О гражданстве РФ» (04.08.2014 года), Барахоев А.О. не мог исполнить указанную в нем обязанность, поскольку гражданство Республики Казахстан было получено им гораздо раньше (сведений об обратной силе соответствующего закона в приговоре не приведено).
3. Для Барахоева А.О. эта обязанность была неисполнимой, поскольку закон связывает течение срока исполнения этой обязанности с момента приобретения гражданства иного государства.

После 04.08.2014 года Барахоев гражданство иного государства не приобретал, с момента приобретения гражданства Республики Казахстан до 04.08.2014 года прошло явно более шестидесяти дней.

¹ Листы 21-22 приговора

² Т. 76 л.д. 79-100

³ Т. 76 л.д. 45

Срок, в течение которого было необходимо подать соответствующее уведомление лицам, приобретшим гражданство иного государства до этого срока, в обвинении не указан, в связи с чем, соответствующая обязанность не может быть признана неисполненной Барахоевым А.О. (по смыслу уголовного закона).

Юридически безоснователен вывод суда о совершении Барахоевым инкриминируемого преступления в период с 04.08.2014 года по 30.04.2019 года.

Таким образом: в рассматриваемых обстоятельствах отсутствуют признаки как объективной, так и субъективной стороны инкриминируемого преступления.

ДОВОД № 5

Иные существенные нарушения уголовно-процессуального закона

ДОВОД № 5.1. Суд нарушил статью 307 УПК и не дал оценку доказательств по каждому обвинению

Суд первой инстанции указал в приговоре, что «учитывая фактические обстоятельства вменяемых подсудимым преступлений, предусмотренных ст. 318, 239 и 282.1 УК РФ одинаковы, то в силу пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» суд не приводит их повторно, в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению».¹

Пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ «О судебном приговоре»:

По уголовному делу в отношении нескольких подсудимых или, когда подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, приговор должен содержать анализ и оценку доказательств в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению.

Исключения сделаны лишь для приведения обстоятельств совершенного преступления (преступлений) и доказательств, подтверждающих выводы суда, без их повторения в отношении каждого подсудимого, когда несколько подсудимых обвиняется в совершении одного и того же преступления (преступлений), а также в отношении изложения в приговоре содержания доказательств при обосновании вывода о виновности или невиновности в совершении одного из преступлений, делая в дальнейшем лишь ссылку на них, если они (доказательства) относятся сразу к нескольким преступлениям.

¹ Лист 4 приговора

По смыслу уголовно-процессуального закона не допускается изложение обстоятельств совершенного преступления (преступлений) и доказательств, подтверждающих выводы суда, без повторения в отношении каждого преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый (подсудимые).

Приговор должен содержать изложение обстоятельств, а также анализ и оценку доказательств по каждому обвинению.

Подсудимым инкриминировались различные составы преступлений (предусмотренных статьями 318, 239 и 282.1 УК РФ), характеризующиеся самостоятельными признаками, фактические обстоятельства по каждому из них не могут быть одинаковыми, а тем более, идентичными.

Нарушение статьи 307 УПК РФ

Суд однократно приведя в описательно-мотивировочной части приговора фактические обстоятельства и доказательства в форме сплошного изложения применительно ко всем обвинениям (инкриминируемым преступным деяниям), без учета предъявленного привлеченным к уголовной ответственности лицам по статьям 318, 239 и 282.1 УК РФ, относящимся к разным главам Уголовного кодекса РФ и имеющим разный предмет доказывания, без разделения доказательств по разным составам преступлений и анализа, какими доказательствами подтверждается вина каждого из подсудимых в совершении инкриминируемых деяний, суд лишил сторону защиты возможности сопоставить каждое из приведенных фактических обстоятельств с каждым обвинением (инкриминируемым преступным деянием), что не может быть признано допустимым.

Нарушение суда указывает на необходимость отмены состоявшегося приговора, поскольку оно не может быть устранено путем внесения изменений в рамках апелляционного производства.

ДОВОД № 5.2. Суд необоснованно сослался на показания обвиняемых в качестве свидетелей

В обоснование выводов о виновности осужденных суд сослался на показания Мальсагова М.А.¹ и Барахоева А.О.², данные ими на следствии в качестве свидетелей³ что не отвечает требованиям УПК РФ.

Нормативное основание

Статья 276 УПК РФ В судебном заседании не могут оглашаться показания подсудимого, ранее данные ими при производстве предварительного расследования, когда его допрашивали в качестве свидетеля, поскольку процессуальный статус, в том числе, объем прав, обязанностей и ответственности, изменился.

¹ Т. 99 л.д. 16-39

² Т. 74 л.д. 92-105

³ Листы 31-37, 43-44

В судебном заседании могут быть оглашены лишь показания подсудимого на предварительном следствии, которые он давал по обвинению (подозрению), то есть в качестве подозреваемого или обвиняемого.

При этом на допустимость таких показаний не влияет ни присутствие при допросе адвоката (а не защитника, как указал суд, поскольку по УПК (часть 1 статьи 49) защитник осуществляет защиту прав и интересов только подозреваемых и обвиняемых, но не свидетелей), ни подтверждение таких показаний при последующих допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого без воспроизведения таких показаний.

Позиция суда

Принцип презумпции невиновности не означает, что сторона защиты освобождается от всякой обязанности разумным образом обосновать свои доводы, направленные на защиту подозреваемого или обвиняемого.

Указанные доводы, во всяком случае, должны соответствовать стандарту «минимальной разумности» существования определенных обстоятельств либо фактов, опровергающих предъявленное обвинение. Между тем, указанная версия защиты не достигает даже этого минимального стандарта».¹

На самом деле

Соответствующий вывод суда и мотивировка принятого при оценке доводов защиты решения противоречит требованиям УПК РФ, который не предполагает возложение на сторону защиты ни соответствующей обязанности, исполнения которой от нее ожидал суд, ни минимальных стандартов осуществления защиты.

Возложение на сторону защиты не предусмотренных процессуальным законом обязанностей и применение при оценке доказательств и предлагаемых версий критериев, отсутствующих в УПК РФ, и являющихся результатом собственной (субъективной) интерпретации суда, не основанной на законе, повлияли на законность состоявшегося приговора.

Именно на стороне обвинения в силу прямого требования ст. 14 УПК РФ лежит бремя опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого. В настоящем деле это требование судом нарушено.

ВЫВОДЫ: в основу приговора положены недопустимые доказательства, полученные с нарушением фундаментальных прав, гарантирующих эффективную защиту лица, обвиняемого в совершении преступления. Указанные нарушения уголовного и уголовно-процессуального законов являются существенными, влияющими на исход дела и искажающими саму суть

¹ Лист 301 приговора

правосудия, не позволили объективно и справедливо разрешить уголовное дело, свидетельствуют о наличии оснований для отмены состоявшихся судебных актов.

С учетом изложенного и, руководствуясь положениями ст. ст. 389.1 - 389.3, 389.6, 389.20, 389.23, 389.28 Уголовно-процессуального кодекса РФ, прошу:

1. Отменить приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края от «15» декабря 2021 года по уголовному делу N 1-35/2021 (1-412/2020) в отношении подсудимых Барахоева А.О. Ужахова М.М., Чемурзиева Б.А., Мальсагова М.А., Хаутиева Б.А, Нальгиева И.М., Саутиевой З.М. признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч.3. ст. 33 ч.2. ст. 318, ст. 330.2, ч.2. ст. 239, ч.3 ст. 239, ч.1. ст. 281.1. ч.2 ст. 282.1. УК РФ;
2. Вынести в отношении Барахоева А.О. Ужахова М.М., Чемурзиева Б.А., Мальсагова М.А., Хаутиева Б.А, Нальгиева И.М., Саутиевой З.М. оправдательный приговор.

С уважением,
Адвокат

Ахильгов К.С.